

Глеб Иванович Успенский

Отрадные явления

Глеб Иванович Успенский

Отрадные явления

Серия «Бог грехам терпит», книга 5

*Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=665325*

Аннотация

«Живя постоянно под гнетом неизвестности тех вопросов, которые соседи-мужички пожелают (быть может, сегодня, а быть может, и завтра) разрешить, не дожидаясь окончания трудов комиссии, разумеется, рад-радехонек, если откуда-нибудь нанесет на тебя хоть капельным, хоть с булавочную головку «отрадным» явлением. До какой степени иногда одолевает в деревне жажда каких-нибудь «отрадных» явлений, читатель может судить из нижеследующего радостного дня, который я сейчас опишу подробно и который, в ряду сумрачных и пустых дней деревенской жизни, я не могу вспоминать иначе, как с удовольствием. ...»

Содержание

Глеб Иванович Успенский

Отрадные явления

Живя постоянно под гнетом неизвестности тех вопросов, которые соседи-мужички пожелают (быть может, сегодня, а быть может, и завтра) разрешить, не дожидаясь окончания трудов комиссии, разумеется, рад-радехонек, если откуда-нибудь нанесет на тебя хоть капельным, хоть с булавочную головку «отрадным» явлением. До какой степени иногда одолевает в деревне жажда каких-нибудь «отрадных» явлений, читатель может судить из нижеследующего радостного дня, который я сейчас опишу подробно и который, в ряду сумрачных и пустых дней деревенской жизни, я не могу вспоминать иначе, как с удовольствием. Дело началось с получения газет, которые принесли мне первую в этот день отрадную весть. Само собою разумеется, что, кроме этой отрадной вести, в газетах было все, что бывает в них ежедневно, вот уж десятки лет подряд: был тут и священник, отказывающийся крестить, и священник, отказывающийся погребать, и священник, отказывающийся венчать; был тут и урядник, который «просто» посадил кого-то в холодную, был урядник, который сначала избил, а потом уж посадил, был урядник, который сначала «придрался», а потом уж посадил, – и был, наконец, такой, который сначала посадил, потом избил, а потом уж придрался... Были тут, разумеется, известия о мас-

се пойманных: один пойман потому, что шляпа на нем была белая с малыми полями; другой – потому, что шляпа была черная и с широкими полями; один – потому, что не пил водки, когда все пьянствовали; другой – потому, что, имея пальто с бобровым воротником, ел на вокзале обыкновенный пирог в три копейки; третий – потому, что шел с книгой в два часа ночи; четвертый – потому, что шел тоже ночью и громко разговаривал с дамами, и т. д. Все они, конечно, выпущены на свободу и оправданы. Затем были, разумеется, хищения от двухсот пятидесяти тысяч до двух рублей, и были доносы в политической неблагонадежности: один донос священника на учителя за то, что учитель тот понравился матушке; другой – за то, что не дал старшине ломаться в классе и ругаться скверными словами; третий донос учителя на священника за то, что тот отбил у него невесту для своего племянника; был и донос племянника на дядю, вследствие неправильной задержки невестиного приданого... Все доносы по обыкновению оказались ложными, а подсудимые выпущены на свободу. Были известия об утопившихся, застрелившихся и отравившихся; все они оставили записки: «никто не виноват», или «растратил», или «надоело»... Вся эта куча мелких подробностей обыденной жизни группировалась по обыкновению вокруг главного центра – «блага России», «отечества», о котором вопияли передовицы, хроники, извещающие о «благотворных слухах» – всё «из достоверных источников», в «непродолжительном времени» и т. д.

Этот-то центр, вокруг которого группируется масса безобразных фактов и фигур, как-то особенно недоступен нам, деревенским жителям. Видим мы, что идет какое-то галдение, что Россия, точно гоголевская лошадь, стоит в этом центре¹ – понурая, с раздвинутыми в разные стороны ногами, что сначала на эту лошадь лезет Митяй с дубиной, на которой написано: «в непродолжительном времени» и «из достоверных источников», и начинает дуть ее по голове; потом влезает дядя Миняй, тоже с дубиной с надписью: «за недостатком статистических данных», – и начинает лупить ее по хвосту. Потом видим, как на несчастной лошади восседают и дядя Митяй и дядя Миняй, оба колотят, понукают, кричат; что они говорят, мы не слышим: толпа, давка и галденье; но из всего этого гвалта явственно раздается голос дяди Михайлы, который хотя сам и не влезает на несчастную кобылу, но неумолкаемо подает советы: «Что ты ее по голове-то дуешь! Ишь наладил! Нешто так можно? Ты в хвост, в хвост ее!» А начнут бить в хвост, он кричит: «Под брюхо, под брюхо накаливай!..» Примутся накаливать под брюхо, а дядя Михайло советует: «С обех, с обех концов-то налегни!..» Налег-

---

¹ ...Россия, точно гоголевская лошадь, стоит в этом центре... – Успенский имеет в виду известную сцену с дядей Миняем в I томе «Мертвых душ» (глава V). Изображая газетное «галдение» о благе России, Успенский выводит среди участников его дядю Михайлу, требующего, чтобы лошадь били «с обех концов», и дядю Ивана, то призывающего оставить «дубье» и покормить лошадь сеном, то вырывающего это же сено у нее изо рта. Возможно, что Успенский имел в виду в первом из этих сатирических образов реакционера М. Н. Каткова, а во втором – славянофила И. С. Аксакова

нут, а он: «Кверху, кверху ее взбадривай, вздымай!..» Станут взбадривать кверху – сердится, кричит: «Принагни ее к земли-то!» Только что станут дуть по спине, к земли пригибать, а уж он вопит: «С заду-то, с заду-то заходи, навались на спину, навзничь ее, с боков-то нажми», и т. д. За этой толпой вопиющих, кричащих и ожесточающихся советчиков мы вовсе не видим того несчастного существа, во имя которого раздаются все эти вопли и крики. Знаем, что оно существует, потому что на него взбирается то дядя Митяй, то дядя Миняй, то оба вместе.

Вот обыкновенные газетные впечатления. Впрочем, иногда к этому заурядному галдению присоединяется голос дяди Ивана и на некоторое время весьма изменяет надоевшую картину. «Что вы всё по морде да по морде! – громко и энергично провозглашает дядя Иван, появляясь около дяди Митяя, дяди Мииняя и дяди Михаила. – Что вы всё кнутовьем да дубьем!.. Вы бы догадались овсом либо сеном ее поманить – оно, пожалуй что, и посходнее бы было». Эти простые, подлинно справедливые, слова дяди Ивана, говорящего обыкновенно громким голосом, сопровождая речь простецкими, умиротворяющими жестами, производят на галдящую толпу Митяев и Миняев обыкновенно весьма отрезвляющее впечатление; попробовать дать сена, покормить, вместо того чтобы колотить то спереди, то сзади, то с боков, – все это в самом деле так просто, так действительно-справедливо и так легко разрешает вопросы, которых не могут разрешить

ни дядя Митяй, ни дядя Миняй, ни дядя Михайло, несмотря на то, что охрипли от крика и «обколотили» руки «об отечество», – что обыкновенно вся галдевшая толпа, окружавшая безобразное зрелище и также дававшая только безобразные советы, как бы просыпается от кошмара и начинает вопить. «Верно! Так! Овса подавай! Что кнутовьем-то кормить! Овса ей! Давай овса! Сена!» Увлечение этими простыми и трезвыми словами бывает до того сильно, что даже дядя Михайло начинает кричать (он всегда кричит, а никогда не говорит по-человечески): «А я про что говорил? Не говорил я, не бей по голове? Разве я не говорил, как надо? Нетто сообразишься с эстими идолами!» Но дядя Иван (бог знает, что с ним делается!) обыкновенно тут же и разрушает то приятное впечатление, которое всегда производят его первые слова. Не то он пугается сам простоты решения, не то боится, что несчастное существо, давно уже жаждущее сена, увидя вместо кнутовья сено, уйдет и дяде Ивану не о чем будет разглагольствовать; не то он сам приобьик к галдению о том, куда и как бить, не то боится рассердить приобьикшую к этому галдению публику, не то боится Михайлы – только немедленно же после своих понятных и справедливых слов начинает бормотать всякие нескладицы, как будто имеющие целью сделать так, чтобы все осталось, как было, да и свои-то «простые» слова пристроить где-нибудь в этой свалке. Выходили поэтому бог знает какие вещи: только что толпа оживилась, только что более впечатлительные и правдивые люди броси-

лись за сеном и притащили его к самому рту того существа, за которое дядя Иван вступился, как этот самый дядя Иван, так же не спеша и так же якобы от всего сердца, начинает говорить такие речи: «Ты что ей сена-то к морде суешь? Ты-щу лет по морде стегали-стегали, да сеном ей рот затыкать. Будет! Совались-совались – досовались до срамоты!..»

В газетах, полученных в тот радостный день, о котором я рассказываю, по обыкновению было все, что придает им способность производить на читателя удручающее впечатление вестями. Впрочем, в последние годы общественные нервы до такой степени изорваны этими удручающими впечатлениями, что решительно отказываются воспринимать их, а в деревне, где ежедневный обиход жизни переполнен явлениями жестокой зоологической, неотвратимой, всеми признаваемой за неизбежную и действительно неизбежной правды (до поры до времени, конечно), нервная деятельность и во все оказывается несостоятельной: просто нельзя, нет физической возможности воспринимать все это, и надобно для собственного своего спасения на множество вещей не обращать внимания, будто их и нет и не было. Но зато всякая малость, говорящая, что где-то и в чем-то проявляется и может проявляться хоть капля *какой-нибудь* правды, не напоминающей зоологической правды дремучего леса, – иногда наполняет душу истинным блаженством. «Стало быть, есть же живые люди! – думается тогда. – Стало быть, не всё кнутовьем, не всё своим средством»... До чего иногда надо ма-

ло современному российскому жителю, чтоб обрадоваться и, ощутив себя, с удовольствием сказать себе: «Слава богу, я жив!» – укажу на подлинный факт, который может быть удостоверен самым точным образом.

На вокзале Николаевской дороги нам пришлось видеть мужика, который крестился и громко говорил: «Дай господи много лет здравствовать начальникам и первоначальникам... на многая лета!.. Пошли им царица небесная!» – «За что так?» – спросили его. «Да вот теперича, дай бог здоровья, хоть загородок нет. Ведь что такое? Ведь не железная дорога была, а тюрьма!» Так было и со мною: меня обрадовали и ободрили такие вести, которые для господ столичных жителей или вообще обывателей городов не имеют никакого значения. Во-первых, я был очень рад, когда прочитал, что солдат, судившийся военным судом за *растрату казенного имущества*, оправдан. Стоял солдат на часах и от нечего делать стал рассматривать патрон; патрон этот как-то нечаянно выскочил из его рук и упал в грязь, солдат поднял его и стал очищать от грязи, хлопая им по стволу ружья; хлопал-хлопал он так-то, и вдруг патрон от сотрясения разорвало; солдату оторвало палец, а начальство, узнав об этом, предало его военному суду за растрату казенного имущества, то есть за то, что он растратил непроизводительно патрон. Прокурор, подводя статьи закона, доказывал, что солдата надобно посадить в тюрьму *на три года*, но судьи сказали: «нет, невиновен!» И не поверите, как было это приятно: невиновный

оказался невиновным – это так великолепно, что я и выразить вам не могу. На три года!.. За что? – За патрон, который сам растратил у солдата целый палец?.. Но сколько же лет должны сидеть интенданты? Сколько же лет должны бы сидеть те господа, которые растратили три миллиона десятин башкирских лесов и земель? Но правда не умерла. «Нет, невиновен!» – сказали судьи, и я рад, ужасно рад! Но еще больше я был рад другому случаю: в одной из провинциальных газет была напечатана телеграмма, помеченная какой-то станцией железной дороги. Какая станция и какая дорога, это все равно, – важна сама телеграмма, в которой сказано: «Начальник станции отказывается выдать книгу для записывания жалоб. Публика ропщет. Кузнецов». Последние слова телеграммы: «публика ропщет», напечатанные на первом месте подцензурной газеты, были для меня манной небесной. Стало быть, можно и роптать, если начальник станции, обязанный выдать жалобную книгу, не выдаст ее... Господи, да когда же было это видано, и притом когда под этой фразой можно было найти и подпись: «одобрено цензурою, 23 августа»! Да и в самом деле, что же это за мода – не исполнять законнейших требований публики? Просят жалобную книгу, которая *должна* по закону лежать всегда в пассажирской зале на столе, – и не дают! И это поминутно, на каждом шагу: где только в законе сказано: «не притесняй», там непременно «притеснят» – такая уж мода. Но вот телеграмма: «публика ропщет», «одобрено цензурою» – стало быть, можно роп-

тать!.. Я весь дрожал от негодования на этих «начальников», которые только и знают, что «не дам» да «нельзя», «пошел вон». И посмотрите, какую жалобу хотели записать пассажиры в жалобную книгу. Шел поезд; один из пассажиров, купец, вышел на платформу, и так как был под хмельком, то, по неосторожности, свалился с платформы на полном ходу – свалился с насыпи в сажен шесть вышины. Публика заметила это и обратилась к кондуктору: «Пассажир сейчас свалился – остановите поезд». Кондуктор испугался, но, сообразив, что он «служит», «получает жалованье» и что он поэтому «начальник» вагона, отвечал: «Никак нельзя... по расписанию... с опозданием...» – «Но ведь там человек свалился с откоса на всем ходу!..» – «Нельзя... Надо доложить оберкондуктору». Обер-кондуктор, видя, что дело серьезное и что на нем лежат обязанности, притом *серьезные*, так как и жалованье он получает за это, не нашел ничего более серьезного, как сказать: «Невозможно... с опозданием... по расписанию...» – «Человек расшибся, упал с платформы!..» – шумела публика. «Не извольте шуметь! Я вас высажу из вагона! Какое вы имеете полное право шуметь? Я здесь начальник!» Шум и крик усиливался, человек разбитый валялся в яме, поезд мчался, а обер-кондуктор был вне себя от дерзостей, которые *ему* делала публика. Однако вероятно кукуевская история² несколько освежила этой публике представ-

---

² *Кукуевская история* – железнодорожная катастрофа на Московско-Киево-Воронежской железной дороге близ села Кукуевки (Воронежской губернии) 30

ление о самосохранении, и она не унималась; ведь в самом деле с каждым может случиться такая история, а всё только «нельзя и нельзя» – что ж это за правило такое?.. Шум увеличивался, и все искали – «кому пожаловаться». «Кому бы пожаловаться» на публику – искал кондуктор, а публика искала – кому пожаловаться на обер-кондуктора. Наконец нашли. Сидит в первом классе инженер железной дороги, той самой, по которой шел поезд, и читает «Стрекозу»³. Обер-кондуктор и публика – к нему. Один говорит: «Произносят дерзкие слова – позвольте записать фамилии...» Другие вопиют: «Человек свалился в яму – остановите поезд!..» Инженер становится на нейтральную почву и говорит: «Это не мое дело... Я ничего не знаю!..» Это тоже современная мода: видеть, улыбаться, удивляться и говорить: я ничего не знаю, не имею понятия... Экспонента Зарубина⁴ буквально ни за что ни про что арестовали на московской выставке⁵, где у него были выставлены изобретенные им машины, и сколько он ни спрашивал у распорядителей: «За что?» – все отвечали ему: «Я не имею никакого понятия, совершенно не по-

---

июня 1882 года.

³ «Стрекоза» – иллюстрированный юмористический журнал, издававшийся в Петербурге с 1875 по 1908 год.

⁴ Зарубин, Павел Алексеевич (1816–1888) – механик-самоучка, изобретатель, автор ряда статей по сельскохозяйственным вопросам.

⁵ ...на московской выставке... – Имеется в виду Всероссийская художественно-промышленная выставка 1882 года в Москве. Зарубин выставил здесь ряд машин, из которых за одну (пожарный насос) ему была присуждена медаль.

нимаю!.. Какая нелепость!..» – «Так можно уйти?» – «Ничего не знаю! Уйти?.. Нет, нельзя!» – «Но за что ж меня держат?» – «Не знаю! Удивительно, а уйти нельзя»... Господин Зарубин, однако, *просто* ушел, взял и ушел. Вот и инженер также: «Я ничего не понимаю... Потрудитесь замма-л-чать, иначе я...» Но шум увеличивался, слышались угрозы, поезд остановили, воротили назад и нашли упавшего пассажира с переломленными руками, ногами, ребрами, в бесчувственном состоянии, всего в крови. Публика взволновалась и по приезде на следующую станцию потребовала жалобную книгу. «Нельзя!» – говорит начальник станции. «Как нельзя?» – «Нет ключа...» – «Где ключ?..» – «После, вот уйдет поезд, я вам дам...» – «Как уйдет поезд... Да с поездом ехать надо нам...» – «Когда уйдет поезд»... Наконец послали телеграмму, и тогда выдал книгу, но сказал: «Па-аслушти, стоит ли дря-азги?..» Да, конечно, стоит!.. Как хотите, а в этой истории видно, что «пробуждается» сознание и что пробуждению не препятствуют: публика ропщет – это напечатано, а внизу «одобрено цензурою». Стало быть, еще поживем на белом свете.

Но венцом радости этого счастливого дня был третий отраднейший факт, и подарила мне его не пресса, не газета, а самая жизнь. Пришел по какому-то делу тот самый мужик с деревянным мозгом, который приложил печать под удостоверение о неблагонадежности моего приятеля, а его жильца, – человека, от которого он «худа не видал». Разговари-

вая о том, о сем (кажется, о дровах или об камнях – с этим мужиком нет других разговоров), он вздохнул и сокрушенно произнес:

– Вот и еще новый расход на шею себе намотали!

– Кто и какой расход?

– Да мы – общество...

– Какой же?

– Да избу наняли для странных людей... Теперь сами, чай, видите, сколь много народу идет нищего. Всякий ночевать просится. А пусти – обокрадет... Вот и порешили нанять мирскую избу, чтобы все, кому ночевать требуется, шли бы туда... То есть, чтобы по дворам не пущать...

– Что ж, это отлично!

– Отлично-то отлично, а двадцать пять рубликов отдай за избу-то.

– Кому же это пришло в голову?

– Коли меня обокрадут, да тебя обокрадут, да сожгут раза три всю деревню, так и придет в голову... Спроси-кось, кто у нас не обокраден... Ну, все и порешили...

Деревянный мужик долго рассказывал мне насчет воровства и всякого разбойства, но я и не слушал его – я был ужасно рад еще раз в этот счастливый день.

«Это, – думал я, – *тоже своим средством*. Это – *новое*; этого *не было*; это *не хозяйственное*, а общественное, хоть капельку, но доброе. Тут есть уж внимание к *чужому* горю, тоже капельное, но уж не только *свое*...»

И я был необыкновенно этому рад. Считите теперь: солдат невиновен; публика имеет право роптать, и в конце концов мои односельчане тоже делают какое-то дело на том основании, что людей бросать зря нельзя... Все в этих фактах говорило о каком-то пробуждении сознания – и не к худу, а к добру.